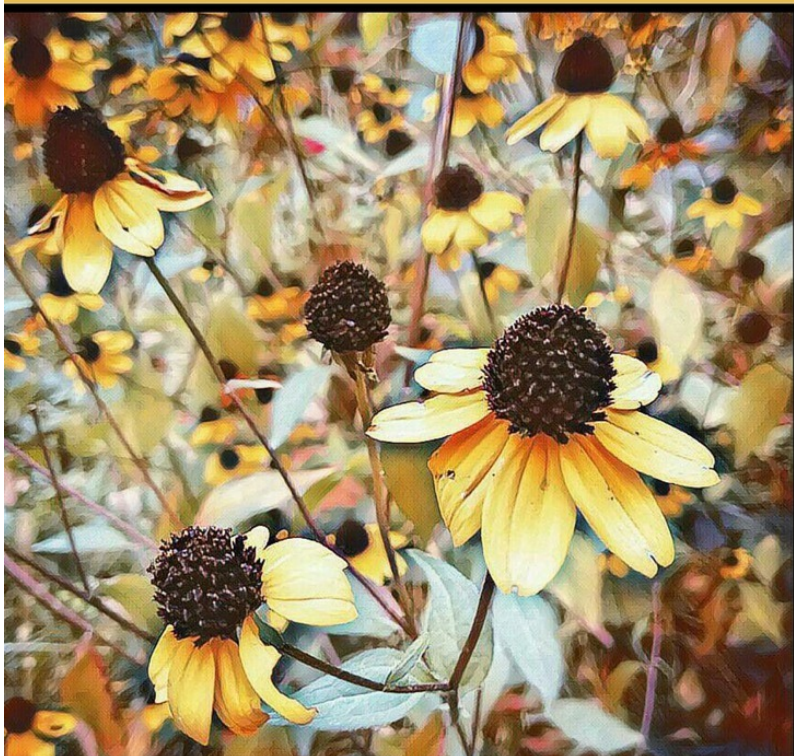

АЛИНА НАУМОВА

Мёд и Лимон

Алина Наумова

Мёд и Лимон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006790

ISBN 9785449649539

Аннотация

Я продолжаю молча поглощать тысячи ненужных деталей. Капельки пота на его щеке. Случайно подвернутый короткий рукав футболки. Медовые глаза следят за мной. Я в ловушке. Его пальцы касаются моих, и я вздрагиваю.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	67
Глава 11	71
Глава 12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мёд и Лимон

Алина Наумова

© Алина Наумова, 2019

ISBN 978-5-4496-4953-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Когда ты прекращаешь делать себе больно, боль не уходит. Она накачивается с новой силой, продолжая срезать прошлые шрамы и вскрывать зажитые раны.

Жизнь, превращенная в борьбу с собой когда-нибудь закончится. И этим последним днем может стать любой день. Сегодня. Завтра.

– Мисс Оуэн, спасибо за помощь!

Я беспомощно киваю в ответ. Девушка мне незнакома или мне слишком лень запоминать ее лицо. Ассистентура в университете Огайо слишком жалкая попытка спрятаться у всех на виду.

– Мисс Оуэн, когда будут результаты?

– Думаю, я успею до следующего вторника, – темно-синий свитер приближается. Его невозможно игнорировать, а хотелось бы.

– Хорошо, спасибо за помощь.

– Ага, – мой взгляд не отрывается от стопки листов. Я просто не могу себе позволить взглянуть ему прямо в глаза.

– Тогда, до вторника?

– До вторника.

Черт, как я ненавижу вторники. И эти ужасающие эссе, и всех этих студентов. Что они, вообще, знают о жизни? Ничего, но умудряются писать такой бред! Видимо, я была со-

всем не в себе, когда согласилась на это безумие.

Дверь закрывается и я устало выдыхаю. Почему профессор Олсен заставляет меня заниматься такими вещами?!

Мысли настолько заняты внутренними разборками, что я незаметно добираюсь до своего авто на парковке.

Работа. Дом. Супермаркет.

Работа. Дом. Супермаркет.

Работа. Дом. Супермаркет.

Мне продолжать?

Порядок очень важен в жизни. Так проще смотреть на все. На все свои действия, шаги, поступки. И если строго следовать определенной последовательности, то можно избежать ненужных эмоций, неверных решений, лишних людей и никому не интересных чувств.

Что такое боль?

Это жизнь. Это просто моя жизнь. И надеюсь, что она скоро закончится. Система Вселенной поймет мою профнепригодность и скинет кирпич мне на голову, или затолкает под колеса грузовика с особо опасными веществами. Тогда я кану в неизвестность и от меня не останется ничего. Даже фотографии в семейном альбоме. Ах, да, постойте, у меня его, итак, нет!

Сегодня по плану супермаркет. И я делаю глубокий вдох.

Список продуктов заучен наизусть.

Краснобокие помидоры.

Зеленоглазые огурцы.

Желтый перец.

Базилик.

Лохматая петрушка.

Туалетная бумага.

Крем для заживления.

Иногда, я пополняю список кондиционером для белья «Океанский бриз», и иногда двухлитровым пакетом молока.

По четвергам я покупаю свежемороженную рыбу. А по субботам покупаю чай на развес.

Главное, не забыть про крем. Согнутый тюбик лежит на шкафчике в ванной. Мне срочно нужен крем.

– Мисс Оуэн?

– Да, – я оборачиваюсь, чтобы не казаться невежливой.

В этот раз я не могу проигнорировать его попытку заговорить со мной.

– Вы тоже здесь?

– Сюрприз, – темно-синяя футболка больно режет глаза, и я мило улыбаюсь. По крайней мере, я стараюсь, чтобы это выглядело именно так.

– У вас все в порядке?

– Что?

Я вынуждена посмотреть ему в глаза. Тягучие, липкие, сладкие, бархатные. Как мед. Мои ноги моментально липнут

к нему, и я не могу пошевелиться.

– Вы выглядите уставшей. Вам нужна помощь? – он тянет ко мне свою руку, бронзовую от загара с выгоревшими на солнце волосками. Я четко вижу несколько шрамов на тыльной стороне ладони.

– Нет, спасибо, – я качаю корзинкой, давая понять, что с этим объемом я в состоянии справиться и сама, но он упорно не отстает. Теперь его рука проводит по волосам. Я продолжаю молча поглощать миллион ненужных деталей. Капельки пота на его щеке. Случайно подвернутый короткий рукав футболки. Медовые глаза следят за мной. Я в ловушке. Как муха, прилипшая по неосторожности к оставленной чашке с крупицами меда.

Откуда он в этом супермаркете? Это самый безопасный супермаркет из всех! За полгода моей работы в Колумбусе, я ни разу не видела здесь студентов из университета. Я помню. Это то, что я помню точно. Этот супермаркет был моим.

– Я думаю, что помощь вам просто необходимо.

Его пальцы касаются моих, и я вздрагиваю. Физические контакты не входят в мой список. Их просто нет в списке необходимых дел. Он не может вот так трогать меня, когда ему только заблагорассудится.

Но корзинку с продуктами уже у него в руках и мне остается смириться. Я улыбаюсь, избегая его взгляда.

– Спасибо, Дастин.

Я назвала его имя. Черт, я назвала его по имени! Ханна,

что ты делаешь?

– Мисс Оуэн, я хотел уточнить по поводу моего эссе.

– Отличное эссе. Не переживай, – мне нужно избегать этой темы. Он не должен знать, что я не читаю его эссе. И вообще ничего не читаю из его работ. Я не могу это читать. Вторжение в его личные мысли и рассуждения мне не нужны. Это слишком.

– Хорошо, – стеллажи с картонными коробками для быстрых завтраков заканчиваются так быстро, что мы внезапно оказываемся возле кассы. Я жду. Он должен сам поставить корзинку на ленту. Я не могу забрать ее, вновь не задев его рукой. Такое не может повториться.

Он ставит корзинку на ленту.

– До вторника, мисс Оуэн.

– До вторника.

Упругие завитки пшеничного цвета на голове дергаются каждый раз, как тучная женщина на кассе с бейджиком «Оливия» пробивает мою очередную покупку. Наконец, все сложено в пакеты, и я могу отправиться домой. Время в супермаркете показывает половину седьмого. Нужно запомнить и изменить расписание. Я больше никогда не зайду в этот магазин в среду в 7 вечера. Всего можно избежать. И это просто одно из предупреждений.

Кондиционер в машине сломан уже давно, но мне никак не удастся втиснуть в свой график посещение мастерской. Духота в салоне наполняется запахом петрушки и базилика.

Пот медленно бежит по спине, связывая мою кожу с рубашкой. Рубашка застёгнута на все пуговицы. Пуговицы на рукавах рубашки блестят, отражая свет в салоне.

Мне нужно добраться до дома как можно скорее. Беспокойство задержало тонкими лапками и сердце затопило волной тревоги и волнения. Нельзя допускать изменений в расписании. Нельзя. Я поглядываю на пакет, в котором лежит заветный тюбик с мазью.

Зеркало не умеет врать, оно говорит то, что видит. Оно говорит только правду, какой бы она не была. Ты можешь быть честной только перед ним. Сейчас оно говорит мне о том, что тонкие полоски, которыми усыпана вся моя кожа на руках и бедрах нуждаются в волшебном тюбике с мазью. В прошлый раз я была слишком неосторожна и это стоило мне ужасного рабочего дня в университете. Жара стоит уже вторую неделю, а мои рубашки становятся все темнее и толще.

Мазь покрывает бедра и руки тонким зеленоватым слоем. Приходится ждать, прежде чем я надену домашнюю одежду. Лезвие в шкафчике ванной сегодня останется без работы. Мне нужно немного времени.

Несколько работ, которые я успела захватить, ожидают своего часа, и я мысленно взываю к Вселенной. Среди них не должно быть работы Дастина. Я не могу читать его мысли. Не могу читать его мысли.

Если упорно себя убеждать в чем-то, то в конце концов ты веришь во все это и это работает. Я могу сколько угод-

но отрицать, что парень с медовыми глазами не волнует меня. Я могу сколько угодно отрицать, что одно его существование в кабинете литературы по вторникам, заставляет меня чувствовать себя неуютно. Но это не изменит того факта, что уже полгода я ненавижу мед и темно-синие футболки. Я стараюсь избежать всего, что может нарушить мой покой. Мою тишину и мои планы. Ведь если нарушить то, что ты так долго строишь, это не принесет ничего хорошего. Все станет только хуже. И тогда я не смогу даже надеяться, что исчезну бесследно с лица земли.

Порез на бедре как назло и не планирует заживать. Что с ним? Я ещё раз оглядываю свое тело. Тело выглядит безжизненным, голубые вены, расположены слишком близко к поверхности. Коротко остриженные ногти. Шрамов на правом бедре оказывается больше. Они похожи на паутину. Новые поверх старых причудливо складываются в одну из мозаик, которую я видела в церквях. Тогда. В той жизни.

Тело ноет, но просит о боли.

Глава 2

– Ханна, подождите, – ко мне слишком быстро приближается один из преподавателей. Я не помню его имени, это и неважно. Джинсы и белая футболка, натянутая на груди. Очки в черной оправе подчеркивают высокие скулы и смуглую кожу.

– Да.

– Простите. Я – Адам, – наверное, мое замешательство отображается на лице. – Профессор Браун.

– Ах, да. Привет, Адам.

– У нас через две недели намечается юбилей у профессора Олсена, и мы планируем устроить ему сюрприз. Ты же знаешь, что он уходит на пенсию в конце учебного года?

– Отличная идея, – конечно же я слышала весь этот хаос, но предпочла игнорировать его. Но Адам, кажется, решил, что меня нужно обязательно в это посвятить.

– Мы готовим пьесу. Тебе нужно выбрать исторического персонажа 17- 18 века и подготовить костюм. У нас есть несколько вариантов, но вдруг у тебя уже есть кто на примете.

– Пьесу? Спасибо, Адам, я вынуждена отказаться.

Естественно, я вынуждена отказаться. Для человеконенавистника, как я, это хуже расстрела. Разве, нормальные люди ставят пьесы на день рождения? Где мы? В каком мире?

– Ханна, ты не можешь отказаться. Все уже решено. Иначе придется объяснять свой отказ ректору. Это его идея.

– Хорошо, я решу этот вопрос, – я улыбаюсь. Взгляд Адама скользит по моей рубашке, поясу, юбке.

– Отлично, Ханна. Тогда жду твоего решения. Будет весело! – он подмигивает мне, и я снова улыбаюсь. Сколько еще я должна улыбаться?

Адам исчезает за массивной дверью, а я пытаюсь собраться с мыслями.

Прохладный воздух касается моего лица. На стол снова ложится стопка листов. В прошлый раз мне повезло, мне удалось избежать эссе Дастина. Надеюсь, что и сегодня мне удастся это сделать. Нужно не забыть позвонить маме. Звонки маме по пятницам. В 8 вечера. Это то, что дает спокойствие.

– Ханна? – голос брата звучит обеспокоенно. – Что-то случилось?

– Все в порядке. Почему ты спрашиваешь. Я всегда звоню по пятницам.

– Сегодня четверг, Ханна.

– Четверг?

– Да.

Тело охватывает жар, и я медленно горю. Заживо. От кончиков волос до кончиков ногтей на ногах. Сегодня четверг. Четверг. Не может быть!

– Айк, сегодня пятница. Я сверялась с календарем.

– Ты права, сегодня пятница.

– Хорошо, – я пытаюсь успокоить себя, но мне это совсем не удается. – Как мама?

– Были у врача. Ничего нового.

– Это же хорошие новости?

– Конечно, – его голос звучит устало.

– Никто не звонил?

– Нет, а кто должен был звонить?

– Не знаю. Может быть, отец.

– Ханна, все хорошо. Никто не звонил. Не переживай.

Как ты?

– Отлично. Работаю. Здесь так жарко, пытаюсь привыкнуть.

– Здорово. Ты не виделась с доктором на прошлой неделе?

– Виделась.

– И что она говорит?

– У меня все отлично. Не хочу перегружать тебя подробностями.

– Ладно, не забывай пить лекарства. Они помогут тебе заснуть, – брат все еще кажется обеспокоенным.

– Не беспокойся. Спокойной ночи. Целуй маму.

Я убираю телефон в кармашек сумки. На пол летит рыжая кружка с черным кофе, которое некрасиво расплескивает на полу. Я никогда не понимала шуток брата. Он прекрасно знает, как я отношусь к своему расписанию. Так зачем все эти шутки? Он никогда не вырастет, кажется.

Стопка справа уменьшается.

Дастин Кроссман.

Рука дрожит. Не смотрю на его эссе. Ведь если я его прочитаю, я залезу в его мысли, и он станет реальным. Он станет живым в моей голове и сможет со мной разговаривать. Он будет делиться со мной своими мыслями, идеями. Я не выдержу этого. Я переворачиваю листы пустыми страницами вверх. Пятно кофе на полу становится заметнее и затекает под коврик в гостиной.

Моя первая встреча с Дастином в темно-синей футболке сорвала все мои планы. Мне пришлось взять неделю выходных и лежать дома. Я была в ловушке и мне потребовалось много сил, чтобы научиться справляться с этим. Боль не могла меня спасти. Боль всегда была только временным решением в моей жизни. Все семь лет. Хотя, кажется, что это длилась намного дольше. Мы рождаемся в боли и уходим также. Боль всегда с нами. Кого-то терзает душевная, кого-то физическая. Для кого-то душевная боль страшнее всего, а для кого-то физическая. Если бы у нас был выбор, я бы выбрала не чувствовать боль. А при виде Дастина я чувствовала боль. Не физическую, душевную. Мои внутренности разрывались на мелкие частицы, сердце тонуло и захлёбывалось от волнения, а медовые глаза утягивали меня на самое дно этой вселенной. Но я так не могу жить. Это невыносимо. Иногда, мы выбираем отрывки из своей жизни и возносим их на пье-

дестал памяти, а некоторые обрезки оставляем в самом низу или запираем в железной коробке. Запертые воспоминания нам больше не мешают, они не могут выбраться, а значит и не могут причинить тебе боль. Я должна избегать Дастина. Иначе случится что-то непоправимое. Как уже случилось раньше. Порядок нельзя нарушать.

Голова кружилась и как только спиной я ощутила прохладу простыней, то мгновенно провалилась с липкий водоворот, сотканный из бархата и кусочков стекла из прошлой жизни.

Глава 3

Субботняя вылазка в супермаркет была запланированной. Машина осталась греться на стоянке под палящим солнцем. Рубашка успела взмокнуть еще в пути, но меня это мало волновало. Разговор с Айком все еще настырно торчал у меня в голове, не позволяя делать лишние движения. Я старалась не думать. Когда ты не думаешь о чем-то конкретном, то думаешь обо всем подряд. И сейчас я пыталась думать обо всем сразу. Об этом городе. О солнечных лучах на подоконнике. О маме. Об Айке. Об университете. Предстоящей пьесе. Об эссе. О Дастине. Нет-нет. Об этом мне думать совершенно не хотелось.

– Доброе утро, мисс Оуэн.

Воздух застрял где-то в выдохе. Я поправила собранные на затылке волосы.

– Доброе утро.

– Отличная погода.

– Не буду спорить.

Мед. Липкий мед. Ловушка для таких жалких созданий, как я.

– Уже решили, что будете делать на выходных?

– Друзья звали меня на озеро. Я еще не решила.

– Здорово. Мы тоже с ребятами собрались на прогулку.

Как удивительно легко удастся убедить себя обрести вы-

мышленными друзьями. Они веселые и шумные. У некоторых есть маленькие дети. Кто-то одинок и обязательно держит в руках баночку с пивом. У кого-то заразительный смех и клетчатый плед в руках. Я вижу даже удочки.

– Отличных выходных, Дастин.

Он ловит мой взгляд. Зачем? Нужно изменить маршрут. Супермаркет в нескольких кварталах от меня. Может стоит поискать другой? Значит, по средам и субботам нужно перестать сюда заезжать.

– И вам. Мисс Оуэн.

Я сглатываю липкий комок в горле и мне становится невыносимо тошно от этой жары. Губы перестают шевелиться, а кожа под рубашкой ноет и чешется. Прохлада простыней кажется мне такой недостижимой.

Время совершенно не идет. Стрелки увязли в бронзово-золотистом болоте. Оттуда нельзя выбраться. Нельзя его избежать. Я уже думала о том, чтобы снова сменить место жительства. Но этот город успокоил меня и теперь пытался сломать все что я построила. Как подло с его стороны!

Ветер не шевелит листву деревьев, и мысли снова тонут в моей голове.

Стопка листов справа исчезла. Темно-коричневое пятно высохло, оставив ободок от произошедшего недавно события. Я вижу отколовшийся кусочек керамической ручки. Рыжая кружка все также лежит на полу возле стола. Я не буду ее поднимать. Ладонь зажимает осколок все крепче и острые

края впиваются в кожу, разрывая ее. Боль внутри унимается, не оставляя шансов для волнения. Все будет хорошо. Так как должно быть.

Выходные пролетают под кондиционером. Новые царапины на бедре практически не заживают. Я сдираю корочку иглой. Капля крови кажется такой маленькой и алой, что мне хочется плакать от беспомощности. Почему запертые воспоминания продолжают стучаться в своей коробке и продолжают пытаться вылезти. Зачем? Почему мы не можем просто стереть себе память и начать жить с чистого листа. С чистого белого листа. Я помню кровь, ярко-алую. И темно-бордовую, и почти черную. И бледно-розовые разводы на кровати. Будто незримая рука раскрашивала мою постель акварелью. Рука невидимого художника раскрашивала мою жизнь, когда я больше всего в этом нуждалась. Смерть не спасет меня. Наказание – это жизнь. Жизнь по правилам. И тогда твоя простынь всегда будет чистой. Хрустящей и запахом кондиционера «Океанский бриз».

Его фигура выделяется на фоне всех и солнце любовно выхватывает его плечи в толпе. Я не знала, что Дастин увлекается спортом. Я вижу каждую натянутую мышцу. Прыжок. Мяч летит в корзину и не задевая железного обруча, укладывается в мягкую паутину сетки.

В моих попытках скрыться виноват Адам. Я все еще

не придумала никакого оправдания и мне совсем не хочется отчитываться перед ректором, и объяснять свой отказ от дурацкой пьесы. Жуть какая! И почему все это происходит со мной?

Всего секунда и я не успеваю отвести взгляд. Я снова поймана. Я в ловушке. Ненавижу мед. Ненавижу липкость. Ненавижу бархат.

Он прикладывает ладонь козырьком ко лбу и щурится. Солнце сжигает мое тело. Ноги вязнут в болоте и уставшие глаза размывают все образы передо мной.

– Как вы себя чувствуете?

Голос так далеко. Дико хочется раствориться и утонуть в своем сознании.

Глаза сопротивляются и только светло-жёлтые пятна оказываются у меня перед глазами. Откуда тогда этот голос? Где я? Что происходит? Пытаюсь сосредоточиться. Одно из пятен темнеет. Дастин.

– Что происходит?

– Вы потеряли сознание.

– Что?

Выдох и вдох. Наконец, мне удастся сосредоточиться. Носки, юбка, пояс, рубашка. Пуговица на рукаве. Расстегнута. Не может быть! Нет-нет-нет! Что происходит здесь?

– Вам стало плохо на площадке. Вы сейчас в мед кабинете. Вам лучше?

– Чувствую себя отлично. Мне нужно идти.

Я пытаюсь сесть. Рука Дастина проникает сквозь жесткую ткань рубашки. Мои глаза снова видят эту проклятую растянутую пуговицу на правом рукаве. Что он видел? Кто это сделал?

– Я помогу.

– Спасибо. Все в порядке.

– Может позвать врача?

– Не нужно, – сердце гулко буйнит в грудной клетке. Дыхание Дастина и жар его кожи не дают мне дышать. Мне нужно просто уйти отсюда. И добраться до прохладной чистой простыни. Я придумаю что-нибудь, всё будет хорошо.

– Я отвезу вас домой.

– Не нужно. Я могу, и сама добраться.

– Не спорьте. Я отвезу вас домой.

– Хорошо.

Я не могу с ним спорить. Нельзя с ним спорить. Он что-то видел? Ничего он не видел. Я просто ассистент его профессора. Кому интересно, что скрывается под моей рубашкой с застёгнутыми пуговицами. Бред! В последнее время я слишком себя накручиваю. Незаживающие царапины ноют. Мне нужна мазь. Я вспоминаю алое пятнышко крови на бедре.

– Пристегнитесь, – машина Дастина волнует прохладой и цитрусовым ароматом.

– Не нужно было. Все хорошо.

– Где вы живете?

– Недалеко. Сейчас прямо.

Тишина начинает меня пугать больше чем шум и шепот.

Почему он молчит? Что-то произошло?

– Я хотел спросить кое-что.

– Конечно.

– Почему вы не читаете мои работы?

– Что?

– Почему вы не читаете мои работы, мисс Оуэн.

Мне снова не хватает воздуха. Откуда он узнал? Я сказала что-то?

– Я читаю твои работы.

– И как вам мое последнее эссе?

– Хорошо. Мне понравилось.

– Серьезно? – я слышу усмешку в его голосе. Наши взгляды пересекаются, и я понимаю, что не ошиблась. Он улыбается.

– Серьезно. А что не так?

– Все не так. Вы врете, мисс Оуэн.

Он говорит это мне?

– Почему ты так решил?

– Я ничего не писал в этом эссе. Я просто переписал отрывок из Библии. Первое, что попало мне под руку.

– Из Библии?

– Да.

– И зачем ты тогда спрашиваешь?

– Хочу узнать, за что я получаю все эти баллы и шаблонные комментарии?

– Зачем задавать вопросы, на которые знаешь ответы.

Сердце выпрыгивает из груди. Что с этим парнем?

– Мне интересно, почему?

Машина замедляет ход и останавливается возле изумрудной изгороди.

– Зачем ты остановился?

– Хочу узнать ответ на свой вопрос.

– Да, я не читаю твои работы. Мне это не нужно. Я знаю, что ты пишешь. И мне этого достаточно. Тем более, я не твой профессор чтобы ставить тебе баллы и оценивать твои эссе.

– Вы их проверяете. Я знаю. Профессор Олсен никогда не писал комментарии. А вы пишете. Но вы их пишете другим.

– И что? Это важно?

Тяжело дышать. Слова налетают на меня как разъярённые осы, хотя его голос абсолютно спокоен. Тишина в воздухе. Цитрусы. И мед. Противный и липкий.

Прохладная простынь под спиной, мягкий свет ночника и звезды. Такие причудливые и неаккуратные. Где я? Что происходит?

– Вы у меня дома. Вы снова потеряли сознание. Думаю, здесь есть и моя вина, – высокая фигура в дверном проеме разговаривает со мной голосом парня с медовыми глазами.

– Я у тебя дома?

– Да. Я не знал куда вас отвезти. Вашего адреса у меня нет.

– Спасибо. Мне нужно домой.

– Вам лучше остаться. Я не могу вас отпустить.

– Это еще почему?

– Сейчас три часа ночи, и я не могу позволить вам ехать в таком состоянии.

– Три часа ночи?

Мой голос пискливо дрожит. Хочется разбить себе голову и оторвать руки. Что со мной творится? Почему я валяюсь в чужой кровати в три часа ночи? И почему эта кровать принадлежит человеку, которого я хочу видеть меньше всего?

– Завтра я отвезу вас на работу. Это комната Мэг. Можете переодеться. Пижама в шкафу.

– Мэг?

Черт, это звучит ужасно!

– Моя сестра. Она учится на первом курсе. Иногда остается у меня. Не волнуйтесь.

Его фигура будто вылита из тьмы и света.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

– И вы опять врете.

– Как ты разговариваешь, Дастин?

– Обычно. Не люблю, когда люди врут. А вы врете. Всегда. Каждый вторник и каждую нашу встречу. Почему?

– Ты сейчас переходишь границы, – мне нужно защитить

себя. Он не может говорить со мной. Он похож на зеркало. Он говорит то, что видит? Что он видит?

– Вы знаете почему я не вызвал врача или не отвез вас в больницу?

– Не знаю.

– А я думаю, знаете.

Пуговица на рукаве все также расстегнута. Я бессильна. Я не могу сопротивляться. Я не могу ничего говорить. Он знает ответ на свой вопрос. И видит меня.

– Это ничего не значит. Ты ничего не знаешь.

– Не знаю. Но лучше останьтесь здесь. Вас никто не беспокоит. Может принять душ. Утром я отвезу вас в университет.

Его тон заставляет меня подчиняться. Я снова становлюсь слабой. Я позволяю управлять собой и своими эмоциями.

– Хорошо.

Он исчезает, закрывая за собой дверь.

Я тону в мягкой пижаме. Видимо, Мэг крупнее меня. Но пижама приятно пахнет. Короткие рукава футболки только подчёркивают изрезанные руки, и я прячу их под одеялом. Здесь никого нет. Здесь только и неаккуратно приклеенные звезды на потолке. Кто их клеил? Дастин? Мэг? Почему они неровные и не похожи друг на друга. Свет ночника отбрасывает тень на светлой стене, и я закрываю глаза.

Глава 4

– Нам нужно выходить, если не хотите опоздать.

Фигура Дастина в этот раз не застывает дверном проеме, а медленно приближается. Его глаза не смотрят мне в лицо, а изучают то что находится ниже. Я слежу за его взглядом. Бледность рук выделяется на бледно-желтой ткани. Один из порезов выглядит неважно. Мне нужен крем! Дастин молчит и разглядывает мои руки. У меня нет сил их прятать. Он зеркало. Он уже видел это.

– Собирайтесь, позавтракаем по дороге. Буду ждать вас внизу.

– Хорошо.

Гостиная в пастельных тонах, диван с тремя подушками. И моя сумка на столике. Сумка застегнута. Кнопочная Нокиа в кармашке для мелочи. Отточенные карандаши в отделении для канцелярии, блокнот, ключи от дома и от машины.

– Я не копаюсь в сумках.

– Я ничего не сказала.

– Отлично. Поехали.

Дастин проходит мимо меня. На нем его темно-синяя футболка и джинсы. Все, как обычно. Но только сегодня не вторник и я Ханна Оуэн. Та самая Ханна Оуэн, которая ненавидит мед и любит порядок. И я нахожусь в доме у Дастина Кроссмана, чьи работы я никогда не читаю.

– Пристегнитесь.

– Нам далеко ехать?

– Прилично. Заедем за кофе.

– Спасибо, не нужно.

– Это не вопрос.

– Дастин, зачем все это? Я старше тебя, я твой преподаватель. Ты слишком много себе позволяешь.

– Вам только так кажется. Какой кофе пьете?

– Черный. Без сахара.

– Ничего непредсказуемого.

– Дастин, прекрати!

– Я сейчас, – стеклянные двери скрывают его из поля моего зрения. Волнение не покидает меня ни на секунду. Что с ним? Что со мной? Что за разговор? Я хочу выбраться из этого!

– Черный, без сахара.

Он умудряется действовать одновременно. В одну секунду он уже протягивает мне стакан, а уже в следующую мы аккуратно выезжаем на дорогу. Кофе невыносимо горяч и обжигает кончик языка.

– Вы считаете, что я перехожу границы?

– Да. И тебе лучше остановиться на этом. Ты видел то, что видел и это ничего не меняет.

– Вы думаете, что физическая боль лечит душевную?

– Что, прости?

– А если серьезно?

– Какая тебе разница?

Дастин выбивал меня из меня самой. Он рвал мой воздушный пузырь безжалостно.

– Вы хотите узнать это?

– Да. Именно. Какое твое дело во всем этом? Не стоит лезть в чужую жизнь.

– Вы меня старше всего на пять лет.

– Перестань. Ты меня путаешь.

– Вы не отвечаете на мои вопросы, почему я должен отвечать на ваши?

– Ты сам начал.

– И буду продолжать.

Я пытаюсь сдержать нарастающий гнев. Нельзя, так нельзя!

– Ты не можешь говорить мне все что тебе вздумается. Я тебе не малолетняя подружка.

– Я так не говорил.

– Я и не говорю, что говорил. Ты ведешь себя так.

– Мисс Оуэн, вы думаете, что вам удастся справляться со своей жизнью и никто не видит ваших фальшивых улыбок, вашей невнимательности, ваших длинных рукавов и страха.

– Что все это значит?

О чем он говорит?

– Это значит, что я не единственный, кто это замечает. Этого не замечаете только вы. Или делаете вид, что не заме-

чаете.

– Мы уже скоро приедем? Я не хочу продолжать этот бессмысленный разговор.

– Да, скоро. Буду ждать вас вечером после занятий на паркинге.

– Зачем это?

– Просто поговорим.

– Я не приду. У меня есть дела.

– Нет у вас никаких дел. Сегодня вторник. И мы увидимся на лекции.

– Ты бредишь, Дастин. Нам не о чем говорить. И прекрати задавать свои вопросы. Особенно, если знаешь на них ответы. И да, физическая боль помогает справиться с душевной. Как студенту с профилем психологии ты должен это знать.

Я хлопаю дверью авто. Что? Я только что хлопнула дверью? Как это могло произойти? Что случилось за одну неделю. Как могла одна неделя все изменить.

Я подавляю желание почесать еще незажившие порезы. Несколько студентов слишком пристально следили за моим внезапным появлением из машины Дастина. Воротничок поправлен, пуговицы на рукавах застегнуты.

– Ханна, как вы? – Адам бесцеремонно врывается в мое личное пространство.

– Спасибо, все замечательно.

Что он знает? Что он видел?

Его глаза рассматривают мою рубашку и длину моей юб-

ки.

– Вы уже решили с пьесой?

– Нет еще. Я не решила. Я бы все-таки отказалась. Переутомление, стресс и эта погода. Я еще не привыкла в такому.

И снова я вру. Вру и сама себе не верю. Главное, не улыбаться. Дастин сказал, что моя фальшивая улыбка ничего не меняет. А только все портит. Я просто прекращу это делать. Просто перестану глупо улыбаться.

Глава 5

Волосы собраны на затылке, но несколько прядей упрямо выбиваются вперёд, нарушая мой баланс.

Вторники. Ненавистные вторники. И темно-синяя футболка на одном из рядов. Меня спасает присутствие профессора Олсена. Забиваюсь за стол и прячусь в тени. Я никуда не пойду. Никаких встреч, никаких разговоров, никакого меда. Ненавижу мед. И Эвелин его ненавидит. Ненавидела.

– Ханна, раздайте содержание лекций на следующую неделю. Жду ваших работ.

Раздаются смешки, гул, аудитория стучит по ножкам стульев, у кого-то падает ручка, шорох бумаги. Я отдергиваю пальцы. Его кожа может расплавить и сталь.

– Спасибо, мисс Оуэн.

– Всегда рада помочь, – я киваю головой. Парень в голубой рубашке рядом с Дастином смеется. Мельком я вижу, как он изображает что застегивает рубашку на последние пуговицы под горлом и шепчет, всегда рада помочь.

– Заткнись, Кайл, – голос Дастина мешает мне сосредоточиться. Меня не волнуют насмешки. Это просто глупо.

– Кайл, ты можешь продолжать. Меня это ни капли не задевает. Но если это поднимает тебе настроение, то мне тебя очень жаль.

Я что, только что, это сказала? Сказала? Я? Бог ты мой, я

первый раз заговорила со студентом на тему, которая не касалась лекции по литературе. И как меня еще не убило молнией? Где моя кара? Я нарушаю все правила и бью все свои рекорды по общению. Я сказала столько слова за одну неделю, сколько не сказала за последние несколько лет.

Это все солнце. И жара. И мёд.

Я чувствую взгляды спиной, но закусив губу, стараюсь сдерживать раздражительность.

– Ханна, подождите.

Он сказал Ханна? Или это слуховые галлюцинации? Ханна? На глазах у всех студентов. Он определённо сошел с ума. Мне нужно просто уйти. Уйти отсюда и вернуться домой. Просто домой. Взять выходные. Или бросить все и уехать, сказать, что у меня неизлечимая болезнь. Я боюсь света, боюсь людей, ненавижу мед. Что происходит со мной?

Коридор практически пуст. Я поправляю сумку на плече. Нужно уйти. В моей голове стучит один и тот же текст, как на печатной машинке. Уйти. Мне нужно уйти. Мне нужно уйти.

– Ханна!

И снова? Он что издевается?

– Да, что с тобой такое, Дастин? Что ты себе позволяешь? – я перехожу на шипящий шепот, достаточно громкий, чтобы его услышал он и недостаточно громкий, чтобы привлечь внимание студентов, празднующих по коридорам университета.

– Что со мной? Вы не забыли о нашей встрече?

– Я не иду ни на какую встречу. Мне нужно домой.

– Лучше сделайте как я говорю.

– Что?

Дастин порвал всевозможные рамки и границы.

– Это угроза?

– Нет.

– Тогда почему я должна делать то что ты говоришь?

– Потому что вы тоже этого хотите?

– Хочу, – я давлюсь словами. – Чего я хочу?

– Поговорить со мной.

– Ничего подобного.

– Если это не так, то почему мы все ещё разговариваем?

Почему вы не обратились к декану или профессору Олсену с жалобой на мое поведение?

– Что я не сделала? Я должна была сделать именно так.

Но мне некогда. Мне пора домой. У меня... у меня там котенок.

– Котенок? – Дастин откровенно смеется мне в лицо. –

Это такая глупая ложь. Ничего хуже не слышал. А может и слышал, но это было в детском саду, кажется.

Опять его вопросы, ответы. В моей голове все перемешалось. Может, я все еще сплю или это какой-то кошмар наяву?

Видимо, мы начали привлекать внимание, и я слышу шепот откуда-то неподалеку.

– Прекрати это. Я серьезно. Иначе, я буду вынуждена по-

жаловаться.

– Жалуйтесь.

– Тебе не жалко стипендии?

– Я справлюсь.

– Боги, какой же ты упрямый!

– Как и вы.

– Хорошо. Прекращай этот спектакль. Я сейчас подойду.

– Вы сбежите.

– Не сбегу!

Он мне не верит. Еще бы, я сама себе не верю. Зачем я все это делаю? Зачем? Пришла пора биться головой о стену или молить о кирпиче на мою голову. Что-то должно пойти не так. Все будет слишком плохо. Будут бледно-розовые разводы на постели и ярко-алые капли на коже.

– Идемте, – он кивает мне и направляется к выходу. Несколько пар любопытных глаз преследуют меня, но я держусь. Я просто ничего не вижу. Я отлично делаю вид, что ничего не вижу.

Глава 6

Машина Дастина на том же самом месте, что и утром. С салона веет прохладой.

– Пристегнитесь.

– Сейчас. А теперь задавай свои вопросы.

– Сейчас?

– А когда? Ты преследуешь меня, выбиваешь почву из-под ног, задаешь ужасные нелогические вопросы. Что ты от меня ждешь?

– Ответов.

– Ты знаешь ответы, на все свои вопросы. Зачем спрашивать.

Комок гнева набирает скорость с неопишуемой силой и готов обрушиться на светловолосую голову парня с медовыми глазами.

– Я не знаю ответы. Я могу только предполагать. Это разные вещи.

– Не разные. Не разные. Не разные.

– Это не ответ.

– Ты невыносим!

– Это часть плана.

– Какого еще плана?

– Плана для получения ответов. Вы не замечали, что чем больше вы со мной разговариваете, тем больше ответов мне

даете? Даже если не хотели отвечать. При этом, вы продолжаете считать, что не ответили не на один мой вопрос.

– Что происходит, Дастин?

– Ничего особенного, Ханна. Я просто пытаюсь понять, что вы скрываете за этими ранами, за этой физической оболочкой и почему так старательно это скрываете?

– Но зачем? – мой голос устал, и я совсем растерялась.

– Ханна, а вы не думаете, что просто хочу разгадать вашу тайну? Это похоже на поиск сокровищ с непонятной картой без подсказок. Вроде бы и есть инструкция, но ее нет. Или вы не думали о том, что возможно мне нравится. И я не могу смотреть на эти ваши истязания?

– Так ты еще не определился? – сердце затаилось. Каждое слова этого парня за рулем вытаскивало меня под яркий свет софитов. Делая меня центром всей сцены. Так не должно быть!

– Хотите, чтобы я определился? Это что-то изменит?

– Куда мы едем?

– В одно место. Не бойтесь там немного людей. Зато отличный стейк.

– Я не ем мясо.

– И это тоже предсказуемо. Ваш набор продуктов в магазине меня удивил. Вы живете всю неделю на странном сочетании вкусов? Или готовите все сразу в кастрюльке на неделю?

– Что за вопросы? Ты меня путаешь. Не так. Все не так.

– Тогда как?

– Я не могу ничего тебе сказать. Слишком много вопросов. Откуда они? Ты их выучил что ли? Или тренировался?

– Не практиковал заучивание вопросов. С ответами, было дело.

– Дастин, не нужен мне никакой ужин и всякие такие места. Просто отвези меня домой. Мы немного поговорим и на этом ты остановишься. Ты не можешь так себя вести!

– Почему?

– Что почему?

– Почему я должен следовать вашим правилам? У меня есть свои правила.

– Какие еще правила?

– Такие вот правила. Я не могу остаться без ужина. Я не отказываюсь от своих вопросов, и я не планирую везти вас домой.

– Не планируешь везти меня домой?

– Почему вы переспрашиваете? Чтобы убедиться?

– Именно. Так что значит, что ты не планируешь везти меня домой?

– У меня по плану кафе с ужином, прогулка под луной, ночь полная ответов и рассвет с кофе.

– Какой ужасный план! Отвези меня домой и займись своим планом.

– Вы не дослушали. И этот план связан только с тобой, Ханна.

– Ты меня пугаешь, это уже не смешно.

– Я и не смеялся.

– Ты пытаешься свести меня с ума?

Я отворачиваюсь. Тело охватывает легкая паника и усталость. Разговоры с Дастином утомляют меня. Утомляют настолько, что я готова заснуть прямо здесь и сейчас.

– Хорошо. Я согласен отвезти тебя домой. Но.

– Что за но? – бурчу я, не поворачиваясь к нему. Он обязательно что-то придумает.

– Ты угостишь меня домашним ужином.

– Забудь.

Чувство безысходности и страха наполняет меня. Мне определенно нужно что-то ответить ему. Как я могу пустить его в свой дом? А что он там увидит? Там ничего нет. Но это ведь мой дом. Там моя рыжая кружка с отколотой ручкой, там мои простыни, белые и прохладные. Там моя маленькая жизнь в запертой коробке. Там просто я. Никому нельзя это видеть. Настойчивость Дастина не дает мне покоя. Какую игру ведет это парень? Зачем все это? Любопытство? Разгадка тайны? Разве у меня не может секретов? Это ведь не запрещено. У каждого из нас есть то, о чем мы хотим забыть и то из-за чего нам хочется утопиться, повеситься или исчезнуть с лица земли.

– Забыть? Так ты не хочешь домой? – его глаза не отрываются от дороги, а голос спокоен. Не могу перестать смотреть на его профиль.

– Почему ты шантажируешь меня? Или пытаешься держать в заложниках? Просто отстань от меня. Забудь о моем существовании.

– А ты забудешь о моем существовании?

– Конечно, забуду. Я уже ничего не помню.

– Ага.

– Что?

– Опять врешь. Не нужно делать того, что у тебя плохо получается. Сначала, попробуй изучить азы вранья.

– Не буду я ничего изучать. Не лезь ко мне и в мою жизнь.

– Не могу.

– Что это значит?

– То и значит. А теперь у тебя еще есть шанс передумать и разрешить мне отвезти тебя домой.

– Просто высади меня здесь. Я доберусь до дома сама.

– Нет.

Эмоции. Он вытягивает из меня эмоции. Я снова начинаю чувствовать гнев, раздражение, обиду. Но я не хочу! Эмоции убивают людей. Эмоции вынуждают людей делать страшные вещи. Вещи, о которых я хочу забыть и уже забыла.

Звонок.

Звонок.

Звонок.

– Ты не собираешься отвечать?

– Что?

– Это твой телефон, – Дастин выразительно кивает в сторону моей сумки, лежащей у меня на коленях.

Нет-нет-нет! Мне никто не может звонить.

Руки дрожат, а ноги неожиданно превращаются в растекающуюся массу.

– Айк?

– Ханна, где ты?

– Я недавно вышла с работы, – я секунду мешкаюсь, пытаюсь соврать как можно правдоподобней. Айк ни в коем случае не должен знать, что я сейчас еду в неизвестном направлении с практически незнакомым парнем. – Что-то случилось? Мама?

– Все хорошо с мамой. Мне звонили из клиники.

– Из клиники?

– Ты не ходишь на приемы.

– Я не успела, – еле слышно шепчу я, пытаюсь не дать подслушать себя Дастину. Но в маленьком салоне его авто, это практически невозможно.

– Ты не ходила туда ни разу.

– Ходила. Они что-то перепутали, наверное.

– Ничего не перепутали. Почему ты не ходишь туда? – крик брата выпрыгивает разъяренными комками из телефона и буквально скачет по всему салону.

– Давай поговорим позже. Мне сейчас неудобно разговаривать.

– Тебе никогда не удобно разговаривать. Только по пятницам!

– Я позвоню тебе сразу, как только освобожусь.

– Я жду объяснений, Ханна! – телефон разрывает его крик.

Лицо Дастина абсолютно непроницаемо. Я не могу понять, о чем он сейчас думает.

– Отвези меня домой, я прошу.

– Что-то случилось?

– Не делай вид, что не слышал. Мне нужно поговорить.

– Мобильные телефоны придумали именно для этого. Чтобы люди могли общаться вне дома, например, по дороге в кафе.

– Прекрати.

Паника, которая нарастает как снежный ком, не дает мне расслабиться. Я не могу ничего контролировать. Я не могу ничего решать. Я никто и всегда была никем. Я так не могу! Так не будет!

– Не-е-е-т! – я кричу, набрав воздух в легкие. Мой крик глушит все. Он поглощает мой разум, мои остатки самообладания. – Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ты ничтожество! Ненавижу тебя!

Боль вырывается из недр моего сознания! И больно бьет по щекам, лицу, плечам, рукам. Тело горит от ярости и бессилия. Я слаба, но я не могу сдержаться.

– Я ненавижу тебя! Ненавижу! Умри! Умри! Умри!

– Ханна! Ханна! Ханна!

Глава 7

Белый свет окружает меня повсюду. Слишком больно разглядывать эту пустоту. Я снова одна. Я должна быть одна. Только я. Моя ненависть никуда не ушла. Она затаилась, как хищник перед прыжком. Она ждала своего часа, своей минуты. Мы не можем скрыться и избавиться от самих себя. Также, как и не можем пытаться стереть себя из этой жизни. Наказание и есть жизнь. Жизнь со всеми своими воспоминаниями.

Бледно-розовые разводы на простынях развешаны повсюду. И справа и слева. Рисунки такие красивые, я не могу оторвать от них взгляд. Есть что-то магическое и завораживающее в этой легкости и белом цвете. Я касаюсь одной из простыней кончиками пальцев. Прохладные.

Я пытаюсь понять, кто их развесил и зачем. За одной из простыней кто-то есть. Нет, там точно кто-то есть. Я отдергиваю прохладу простыни.

Зеркало. Нет, это не зеркало. Это всего лишь я. Я сама. Это не я.

Это другая Ханна.

Ханна из прошлого.

Ей 14.

На ней красивое красное белье.

Трусики с кружевными оборками.

Мои любимые.

Но почему Ханна плачет.

– Не плачь!

Но Ханна молчит. Я пытаюсь дотронуться до нее. Она делает несколько шагов назад.

– Не бойся.

– Ты сама этого хотела.

– Не бойся. Не плачь!

– Я не плачу. Это ты плачешь.

Провожу рукой по щеке. Это плачу я? Но почему?

– Что случилось?

– Ты сама виновата.

– Что я сделала?

– Ты сама так хотела.

Ханна распускает волосы. Ноги и руки совершенно чисты. На них нет привычного узора из тонких ровных линий.

– Кто ты?

– Я – Ханна.

– Что происходит?

– Ты сама виновата.

– Я не виновата.

– Ты сама этого хотела.

Ханна проводит рукой по шее и откидывает голову назад.

– Перестань.

– Ты виновата. И только ты.

– Я ничего не сделала.

– Это сделала ты.

На ногах и руках моей Ханны проступают красные ленточки. Они появляются внезапно, из ниоткуда и покрывают бедра. Справа, слева, изнутри.

– Не делай этого.

– Я ничего не делаю, это ты.

Голос Ханны слабеет.

– Не уходи.

– Я не уйду. Это ты уходишь.

– Ханна! Ханна! Ханна!

– Что... что?

Простыни с бледно-розовым рисунком исчезли. Пятна, тени, люди, яркий свет.

– Выключите свет!

– Ханна!

– Что?

Я делаю над собой усилие и сосредотачиваюсь на одном из пятен.

– Айк? Откуда ты?

– Ты в порядке?

– Все хорошо. Где я?

Комната не кажется мне знакомой. Бездушные и блеклые стены. Железная подставка для капельницы.

– Господи, ты в порядке.

– Айк, что происходит?

– Ничего. Ты в больнице. Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – я повторяю эти слова. Они во мне.

Всегда со мной. Они спрятаны под кожей и бегут по венам.

– Почему я здесь?

– Ты не приходила в себя.

Боль в правой руке становится заметней, и я выдыхаю.

– Как ты здесь оказался?

– Мне позвонил парень. Дастин. Сказал, что везет тебя в больницу.

– Дастин?

Я сглатываю скопившуюся слюну во рту.

– Да.

– Он здесь?

– Вышел куда-то. Он твой студент?

– Да... студент... Дастин. Давно я здесь?

– Четыре дня.

– Четыре дня?

– Да, Ханна. Но теперь все хорошо.

– Мама? – я практически подскакиваю, но руки Айка удерживают меня.

– Хорошо. Она дома. С ней осталась тетя Мэй.

– Тетя Мэй?

Ничего в моей голове не откликается на это имя. Просто пустота.

– Мамина кухня.

– У мамы нет кузин.

– У мамы есть кузины.

– Я о них ничего не знаю.

– Ты просто забыла.

Айк качает головой. На его лице я вижу беспокойство и раздражение одновременно. Он злится? На меня? Почему?

– Не нужно было оставлять маму одну. Вдруг кто-нибудь придет.

– Кто придёт?

– Ты сам знаешь кто!

Не могу поверить, что Айк упрямо не понимает меня!

– Ханна, прекрати это. Это уже пугает.

– Что пугает? О чем ты?

– Ханна, отца нет! Он больше никогда не придет. Никогда, слышишь.

Его пальцы больно впиваются в мои плечи. Почему он так говорит?

– Что ты говоришь?

– Ханна! Хватит! Я позову врача.

Он поворачивает голову, но я не могу ему позволить уйти от ответа. О чем он говорит?

– Что значат твои слова?

– Он не придет никогда. Никогда. Его нет. Ну, почему ты не посещала психотерапевта?! Я же говорил, что так лучше. Почему ты никогда не слушаешься меня?

Голова начинает раскалываться. На кусочки, на атомы. Айк сошел с ума. Он говорит такие странные вещи. Что

с ним?

– Айк. Что ты говоришь?

– Ханна, я так больше не могу! Я должен что-то сделать.

Ты не можешь справиться с этим сама.

– С чем?

– Ханна, отец не вернется. Потому что ты убила его.

– Что?

Айк определённо сходит с ума! Кто кого убил?

– Ты сейчас говоришь странные вещи.

– Тебе помогут. Я обещаю. Все будет хорошо.

Ханна исчезла. Я теперь одна в этой белой пустоте.

– Ханна, где ты? Ханна?

Мой голос растворяется в пустоте. Куда она ушла?

– Где ты?

– Я здесь.

Теперь я вижу ее. Она лежит на белом полу. На ней красное кружевное белье.

– Куда ты пропала?

– Я всегда здесь.

– Что случилось со мной? Где мы?

– Нигде.

– Так странно.

– Это все ты.

– Почему ты лежишь?

– Я всегда лежала.

– Почему?

– Так было нужно. Ты сама этого хотела.

– Я не хотела ничего.

– Айк сказал, что ты убила его. Это правда?

– Нет.

– Тогда почему Айк так сказал?

– Не знаю. Мне это все снится. И ты, и Айк, и эти простыни.

– Ты убила его?

– Я никого не убивала.

Белая пустота наполняется цветом медленно. Начиная снизу прямо под моими ногами. Пространство приобретает розоватый оттенок, затем темнеет и становится алым.

– Это ты сделала?

Ханна молчит и растягивается на полу. Ее руки царапают пол, оставляя следы. Я вижу исполосованные бедра и руки. Шрам на груди, не прикрытый кружевным бюстгальтером. Кривая линия портит все. Ее здесь не должно быть.

– Что это?

– Не знаю. Ты скажи.

– Я не знаю.

– Ты убила его?

– Я никого не убивала. Ты же знаешь.

– Не знаю. Ты виновата во всем. Сама виновата.

– Я не виновата.

– Виновата.

Ханна поворачивает голову набок. Волосы разметались по полу. И я вижу темно-фиолетовые следы пальцев на шее, предплечьях, груди и животе.

– Что это?

– Не знаю. Мне не больно. Это наказание.

– Какое наказание?

– Твое наказание. Папа не любит, когда его не слушаются.

– Я слушаюсь его. Почему ты так говоришь?

– Но он умер.

– Не умер.

– Умер. Ты его убила. Ты виновата.

– Перестань. Почему ты продолжаешь так говорить?

– Потому что ты виновата.

Ханна куда-то исчезает, не оставляя ни следа. Я снова одна. Я не хочу быть одна.

Глава 8

Мои руки трогают, мое тело переворачивают, мои ноги неприятно зудят. Что-то происходит со мной.

Глаза открыты. Незнакомая женщина в чем-то голубом.

– Где я?

– Ханна, все хорошо. Ты в больнице. Я – доктор Бойл.

– Доктор Бойл.

– Да, доктор. Как ты себя чувствуешь?

– Никак. Что это за больница?

– Обычная больница.

– Где Айк?

– Кто?

– Мой брат, где он?

Женщина делает добрые глаза и улыбается. Она врет. Она точно врет! Вот откуда Дастин узнал, что я вру. Это же так очевидно! Дастин.

– А где Дастин?

– Здесь нет Дастина. Здесь только мы.

– Почему?

– Тебе нужно немного полечиться. Ты совсем слаба.

– Я хочу уйти отсюда. Это возможно?

– Конечно, как только тебе станет лучше.

– Мне уже лучше.

– Ханна, – она снова фальшиво улыбается. Неужели, я вы-

глядела именно так, когда врала?

Где Аик? Где Дастин? Что происходит?

– Можно мне поговорить с братом?

– Сейчас к тебе нельзя. Тебе нужно отдыхать и поправляться.

– Я чем-то болею?

– Немного.

– Чем?

– У тебя стресс.

– Это не болезнь, доктор Бойл.

– В твоём случае – болезнь.

– А что не так с моим случаем?

Она улыбается. Зачем? Ей это совершенно не идет.

– Не улыбайтесь.

– Почему, Ханна?

– Не нужно делать то, чего вы не хотите.

– Хорошо, Ханна. Не буду.

– Где мой брат?

– Он скоро будет.

– А Дастин?

– Не знаю. Здесь его нет.

– Вы врете.

– Не вру, Ханна. Отдыхай. Я зайду попозже.

Я не буду ее останавливать. Она врет. Рядом никого нет. Странная комната пуста. Только я и какой-то аппарат, похожий на узи. Я действительно болею? Тогда почему я ничего

не чувствую?

Мои руки обнажены. Ленточки шрамов кажутся слишком яркими. Куда пропала Ханна?

Если я здесь, то где все люди? Где приставучий Дастин и где Айк? Мне нужны объяснения. Сейчас. Прямо сейчас. В голове звенит крик. Только чей он? Кто-то пронзительно кричит, что ненавидит меня... или это мой крик? Это мой голос?

Я пытаюсь встать. Руку обвил какой-то провод и сгиб локтя заклеен пластырем. Толстая игла в моей руке шевелится, доставляя неудобства. Вынуть ее не составляет никакого труда. Ноги проваливаются в пустоту. Голые ступни касаются холодного пола и неприятные ощущения пробегают по телу. На мне ужасающе огромный халат, без пуговиц. А нет, он завязывается сзади, но мне не дотянутся до него. Порезы на рукав покрыты неприятным жирным блеском. Это крем?

– Кто-нибудь здесь есть?

Тишина не умеет разговаривать. А зеркала умеют. Так почему Ханна снова исчезла?

Несколько шагов и я шатаюсь. Ноги не хотят слушаться меня. Я мысленно приказываю им идти, практически умоляю. Ручка двери просто ледяная. Что это за больница такая? У них что нет отопления? Здесь есть кто-нибудь кроме меня?

– Кто-нибудь меня слышит?

Ручка двери не поддается. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Я стучу в дверь. И прислушиваюсь. Тишина. Которая молчит. Которая не хочет мне отвечать. Здесь нет окон. Свет ламп высоко на потолке. И кровать. Совсем никаких простыней. Ничего красного, ничего бледно-розового. Где все?

– Где все?

Ручка двери движется вниз и приоткрывается.

– Ханна?

Я отступаю назад. Я не одна. Это доктор Бойл

– Я хочу выйти.

– Тебе нельзя вставать.

– Я не хочу лежать. Я хочу выйти. Что это за больница?

– Обычный пансионат. Мы позаботимся о вас и вашем здоровье.

– Кто меня сюда отправил?

Женщина молчит. Ее волосы аккуратно собраны. Никакого макияжа. Я вижу морщинки вокруг глаз и на лбу. Сколько же ей лет?

– Ложитесь.

– Не буду я лежать! Я хочу выйти.

– Чуть позже. Когда вы отдохнете.

– Я не устала, сколько можно это повторять. Вы не можете удерживать меня здесь насильно. Это противозаконно.

– Конечно, мы не удерживаем наших гостей.

Она колеблется. Что-то с ней не так. Но что?

Дверь передо мной открывается, и я вижу длинный коридор.

дор, усыпанный одинаковыми дверями.

– Куда мне идти?

– А куда вы хотели?

– Домой. Я хочу домой.

– Домой вам пока нельзя, Ханна. Вы должны поправиться.

– Да, перестаньте уже. Заладили, как попугай одно и то же.

Отдыхайте, лечитесь, нельзя, нельзя, нельзя.

– Хорошо. Вы можете подождать в моем кабинете.

– Чего ждать?

– Я позвоню вашему опекуну.

– Вы бредите, доктор. Я уже много лет, как совершенно-летняя, и мне не нужен опекун. Откуда он взялся?

– Пойдемте в кабинет.

Это все слишком затянулось. Я в каком-то бесконечном сне. И он никак не заканчивается. Как это остановить?

Кабинет доктора Бойл не похож на мою комнату. Он желтый. Тут много света и диван. Кресло и огромный письменный стол. Компьютер.

– Присаживайтесь. Я сейчас позвоню.

Она медленно приближается к столу и достает что-то из ящика.

Телефон. Ее глаза прикованы ко мне. Она следит за мной. Зачем? Боится, что я убегу?

– Ханна в порядке и хочет домой... Конечно... Не переживай.

Доктор Бойл теперь кажется мне очень старой. Я разглядываю проседь в ее волосах, покрытые некрасивыми вздувшимися венами, руки. Ее туфли слишком темные и совершенно не подходят к ее голубому халату.

– Вам нужно подождать.

– И что будет?

– Мы решим ваш вопрос. Дело в том, что без разрешения опекунов мы не можем отпускать наших гостей. Такие у нас правила.

– Правила?

– Да, правила. Воды?

– Не нужно.

Лишняя жидкость мне не нужна. Холод пробирает меня насквозь. Пальцы ног ощущают только лёд.

Доктор Бойл щурится.

– И долго мне ждать?

– Не долго. Лучше присядьте.

Я опускаюсь на диван. Он тоже желтый. Совсем как мед. Который я ненавижу. И который ненавидит Эвелин. Ненавидела.

Время никуда не торопится и черные стрелки на настенных часах делают размеренные шаги за стеклом.

– Вам не нужно переживать. У нас особый подход к нашим гостям.

– Какой?

– Мы создаем всё для их удобства и лечим их.

– Меня не нужно лечить. Вы ничего обо мне не знаете. Говорите мне какой-то бред. Пытаетесь врать. Заставяете ходить босиком. Если ваш пансионат платный, то может быть стоило хотя бы включить отопление?

– Включим. Вы замерзли?

– А что незаметно? Я, наверное, сейчас похожа на снежный сугроб.

– Ну, что вы, – она улыбается. Черт, зачем она это делает!

– И можете вернуть мою одежду?

– Я скажу, вам принесут одежду. Дождитесь опекуна.

– О боги, у него нет имени? Что еще за опекун? Где мой брат? Я видела его в последний раз рядом со мной. Так почему его здесь нет?

– Не знаю.

– Мне вас жаль.

– Вам меня жаль? – доктор Бойл усмехается.

– Именно.

– Почему же?

– Потому что вы такая же, как и я.

– Что вы имеете ввиду?

– Вы одиноки. У вас никого нет. Вы сидите в этом холодном кабинете лимонного цвета и улыбаетесь фальшивой улыбкой.

– Вы так думаете?

– Я так вижу. Вы думаете, что знаете, как жить, но вы ничего не знаете.

– Интересно.

– Когда придет мой опекун и объяснит мне все происходящее?

– Скоро.

– Отлично. А пока верните мою одежду и сумку.

– Хорошо.

Она нажимает на правый нижний угол стола.

– Принесите мисс Оуэн ее одежду.

– Как все таинственно и загадочно. Даже жутко. И вы и весь ваш пансионат.

Доктор Бойл молчит. Ее идеально нарисованные брови даже не двигаются. Она вообще, живая? Я просто хочу домой. В свой дом. К своей рыжей кружке и своим правилам. Здесь мои правила не работают. Они не работали и с Дастином. Где он? Я как будто в какой-то параллельной вселенной нахожусь. Пансионат, опекун, босые ноги и стены лимонного цвета.

Глава 9

– Ханна?

Среди лимонного царства появляется самый близкий мне человек.

– Айк?

– Я здесь. Спасибо, Лидия, – он кивает доктору Бойл, и она выходит из комнаты осторожно прикрыв дверь. Стук ее каблучков разносится приглушенно.

Я хочу встать с дивана и обнять брата, но тело снова не слушается меня. Я превратилась в лед. Ледяную скульптуру.

– Айк, что происходит?

– Ханна, ты больна. Тебе нужно лечение. Я уже говорил тебе об этом, но ты меня не послушала. Пришлось принять меры.

– Какие еще меры? О чем ты?

– Ты должна лечиться.

– От чего?

– У тебя небольшое расстройство. Мозги поправят немного, и мы вернемся домой.

– Мозги?

– Да.

– Мои мозги в порядке. А твои?

– Не спорь, Ханна. Ты не в порядке. Ты не проходила ле-

чение, ты не слушала меня, ты продолжала себя резать, и ты не можешь сама остановиться. Ты больна.

– Я не больна!

Неужели это мой брат? Неужели, это Айк говори мне все эти вещи?

– Ты прекрасно знаешь, почему я не хожу к врачам и прекрасно знаешь почему я причиняю себе эту боль. Ты ведь знаешь эти правила!

– Ханна, послушай.

– Ты меня послушай! Ты сказал, что нужно следовать правилам и тогда все будет хорошо! Ты так говорил!

Слезы брызжут из моих глаз, но я не чувствую этого. Я покрыта толстой коркой льда. Тело дрожит от каждого моего вдоха и выдоха.

– Ханна, – его руки хватают меня за плечи.

– Ты зачем это делаешь? Зачем ты так говоришь?

– Тебе нужно это лечение. Все будет хорошо.

– Мне не нужно лечение. Лечение нужно тебе.

– Послушай.

– Нет! Ты не Айк, ты только притворяешься моим братом.

Я хочу домой.

– Ты поедешь домой, как только подлечишься.

– Вы все тут глухие, что ли? Я не больна и мне не нужно лечение. Я ничего не сделала.

– Сделала, Ханна, сделала, – его глаза разговаривают со мной. Он злится.

– Что я сделала? Оставила несколько шрамов себе на память? Это я сделала?

Я не замечаю, как начинаю кричать.

– Ты убила его. И сейчас наказываешь себя за это. Но после лечения тебе станет лучше. Я помогу тебе.

– Я никого не убивала.

– Ты просто не помнишь.

– Что за бред? Ты, сейчас, серьезно?

– Вспомни, Ханна, вспомни. Тот день. Простыни. Кровь. Лезвие.

– Стой!

В голове кружатся непонятные образы. Простыни, кровь, лезвие. Нет-нет-нет! Этого не может быть!

– Я убила кого-то?

– Ты убила то чудовище, которое называло себя моим отцом.

– Я убила его?

– Да, ты убила его. Я обещал, что сделаю все возможное и никто об этом не узнает, но ты не выполнила условия нашей сделки.

– Подожди, подожди.

Мысли кружатся все быстрее. Простыни, кровь, простыни, кровь, простыни, кровь...

– Я не должен этого делать, но мне приходится. Пойми меня. Я не могу больше наблюдать за тобой со стороны.

– Я не убивала никого. Он был жив. Он был жив, Айк!

– Нет, Ханна, он умер, когда я пришел.

– Нет-нет-нет, ты врешь, Айк!

– Зачем мне врать?

– А как же, Эвелин? Он убил Эвелин!

– Нет никакой Эвелин.

Он шумно выдыхает. Он снова злиться. Айк ненавидит меня. Но зачем он врет?

– Ты не можешь так говорить.

– Ханна, Эвелин это плод твоего воображения. Я не спорил с тобой, потому что думал, что ты оправишься. Все придет в норму. Мы придумали все эти правила для тебя. Чтобы тебе стало лучше. Чтобы ты смогла вернуться к нам: ко мне и маме. Но, кажется, я сделал только хуже.

– Ты врешь!

Я кричу так, что у меня болит горло.

– Ты врешь!

– Я не вру, Ханна, – он разговаривает со мной сквозь зубы.

– Что это за место? Психушка, да?

– Нет.

– А что тогда? Меня отсюда не выпустят?

– Сначала вылечат, а потом обязательно отпустят домой.

Он качает головой, я вижу раздражение в его глазах. Что-то гадкое всплывает в моей голове. Я помню, но что именно? Что происходит...

– Забери меня отсюда. Я сделаю все. Я не могу быть здесь, прошу.

– Не могу, – Айк качает головой, и я понимаю, что он уже все решил. И теперь не собирается передумать. Тогда мне нужно самой отсюда выбраться. Не хочу чтобы меня лечили от того, чего у меня нет. Я не больная. Я никого не убивала. Отец был жив, когда пришел Айк. Он был жив, я ничего не сделала. Тогда почему по правилам жила я, а не он. Что произошло в тот день?

– Я прошу тебя, Айк. Я буду очень осторожна. Буду посещать все приемы. Не буду больше нарушать правила. Я обещаю, – незаметно для себя я снова плачу. Слезы неприятные, мокрые заливают мои щеки и шею.

– Прости, но так будет лучше.

– Тогда скажи где Дастин?

– Твой студент? – недоумение в его глазах сменяется раздражением и даже злостью. – Зачем ты об этом спрашиваешь?

– Ведь это он мне помог, когда мне стало плохо. Я просто хочу узнать, где он.

– Не знаю. Я сказал, что позабочусь о тебе и он уехал.

– Просто уехал?

– Да.

– А как же университет? Я давно здесь? Ты предупредил профессора Олсена?

– Этот парень, Дастин, сказал, что передаст и все уладит. Похоже, вы сдружились?

– Не думаю.

– Ты знаешь правила, Ханна! Ты не можешь дружить с такими, как этот Дастин.

– Почему?

– Ты забыла, чем закончилось все? Тебе напомнить?

– Не надо, – слезы не остановить. Я не могу сдержаться. Я так давно не плакала, а теперь это выше моих сил. Снова сломлена, разбита, слаба и безвольна. Моей жизнью управляют кукловоды, а я просто марионетка в чьих-то руках. Сначала отец, теперь Айк. Когда я успела стать такой? Почему я стала такой? Я вспоминаю Ханну из сна, с распущенными волосами и в красном белье. Она сказала, что это я сама во всем виновата. Зачем она так сказала? Я ничего не делала.

– Что случилось с отцом?

– Не будем сейчас об этом.

– Почему ты мне говоришь о том, что он умер столько лет спустя? Ты хочешь сказать, что я его убила, а потом спокойно жила столько лет, не испытывая ни малейших угрызений совести?

– Он заслужил такую смерть.

– Ты не можешь так говорить. Не мы решаем, кто заслужил, а кто нет.

– Такие люди не должны жить на свете и не должны были родиться, – Айк в бешенстве. Его глаза полыхают и готовы разнести весь этот кабинет лимонного цвета. Я должна вспомнить каждую секунду того дня, каждую.

– Я не убивала его. Перестань. Зачем ты продолжаешь на этом настаивать?

Айк вздыхает и закрывает глаза. Его руки обхватывают мои. Он всегда делал так, когда пытался успокоить меня. Всегда. Каждый раз, когда я плакала.

В дверях появляется доктор Бойл, которая зачем-то держит в руках железный поднос.

– Ханна, тебе нужно принять лекарства, – Айк протягивает руку к подносу и вываливает мне в ладонь две синие капсулы.

– Что это такое?

– Они помогут тебе успокоиться и отдохнуть.

– Да, перестаньте меня отправлять отдыхать. Я не хочу спать. Айк, я сделаю все что угодно, только забери меня отсюда.

– Не могу, Ханна. Не могу. Лидия, я пойду. Набери меня если что.

Он кивает ей головой и не попрощавшись выходит из комнаты. Айк не похож на себя. Может быть, это не он?

Рука доктора протягивает мне стакан с водой.

– Я не буду пить эти таблетки.

– Тебе необходимо это делать, – она качает головой.

В дверном проеме виднеется мужчина в голубой форме. Его одежда больше напоминает пижаму, чем рабочее одеяние.

– Если я не буду их пить, вы заставите меня это сделать с помощью него? – я тычу в него пальцем. Доктор Бойл вни-

мательно смотрит на меня, все еще протягивая мне стакан.

– Хорошо.

Таблетки небольшие и легко проскальзывают в горло, едва я успеваю набрать полный рот воды. Если они настаивают, то мне придется подчиниться им. Но у меня есть условие.

– Хорошо, доктор Бойл. Я готова принять все ваши условия, лекарства и процедуры, без истерик и скандалов. Но я хочу попросить вас кое о чем.

– О чем?

– Я хочу встретиться со своим другом.

Глава 10

– Это невозможно.

Доктор Бойл качает головой.

– Я не буду спрашивать почему. Скорее всего, это ваши правила или просьба моего брата. Но мне действительно нужно увидеться с ним и поговорить. У меня нет друзей, я много лет не общаюсь со своей семьей. Этот парень единственный кому была интересна моя жизнь и я хочу просто поговорить с ним. Вы можете присутствовать при нашем разговоре. Я действительно просто хочу поговорить с ним.

Доктор Бойл колеблется, и я это вижу. Нужно настоять, иначе я останусь здесь навсегда. Я не могу сидеть в клетке. Одно дело, когда ты сам себя загоняешь в какие-то рамки и клетки и совсем другое дело, когда это делает кто-то другой. Ты теряешь волю, теряешь силы и становишься просто безликой и бездушной оболочкой. Мне нужно выяснить что произошло в тот день. И почему Айк продолжает настаивать на том, что я убила отца. Я не смогу выяснить все сама, не смогу. Мне нужна помощь.

– Ханна, зачем тебе это?

– Мне нужна просто поддержка. Я оказалась здесь и не успела ничего решить, не успела собрать вещи, закончить незаконченные дела. Я просто пропала из жизни.

– Ты думаешь, кто-то заметил это? Разве, у тебя нет дру-

зей, семьи, знакомых...

– Вы правы, но у меня были дела, которые я не успела решить. Как долго я здесь нахожусь?

Доктор Бойл молчит. Ее глаза внимательно изучают меня, и она выдыхает.

– Ладно, Ханна. Одна встреча с твоим другом. Здесь. И ты перестаешь противиться лечению.

– Договорились. Но у меня нет номера Дастина.

– Он оставил свои контакты твоему брату. Мы свяжемся с ним.

– Спасибо.

Голова становится все легче и легче. Я ощущаю себя почти невесомой.

– Пойдем, я провожу тебя в комнату. Ты устала.

– Хорошо.

Руки Доктора Бойл сухие и жесткие. Она касается моих оголенных рук, и я буквально падаю. Что это за таблетки, которые я приняла? Воздух в моих мыслях, все так просто...

Бледно-розовые простыни справа начинают приобретать темный цвет. Я вижу, как проступают знакомые узоры все четче и четче. Что это? Что это такое?

Это кухня. Точно, наша кухня в старом доме. Только почему я это вижу? Мои любимые кружки с медведями. Холодильник, раковина с небольшими ржавыми разводами, стол и ложки. Ханна стоит ко мне спиной. На ней сегодня платье. Голубое с цветами. Она что-то напевает. Что-то знакомое,

но я не могу вспомнить, откуда эта песня... В руках полотенце. Посуда. Она вытирает тарелки. Это тот самый день? Я помню его... или нет. Где границы моего сна и реальности? Айк не может быть прав или может... Мне нужны ответы на мои вопросы. Я столько времени пыталась жить чьей-то жизнью. Не своей, чужой. Пыталась спрятать себя на виду у остальных. Старалась жить по правилам, которые должны были меня спасти. Но правила перестали работать. Почему? Ведь, работали столько лет?

– Ханна?

Ханна оборачивается, и я вижу ее улыбку.

– Что ты делаешь?

– Мою посуду. Мама просила убрать.

– Но сегодня очередь Айка.

Ханна смеется, откинув распущенные волосы назад.

– Он никогда не соблюдает эти очереди. Зато у меня теперь есть билет в кино.

– В кино?

– Да.

Точно.... Билет в кино...

– Ты пойдешь в кино одна?

– Нет.

Темный зал, мелькающие герои на экране. Кто-то держит меня за руку. Но кто это?

– С кем ты пойдешь?

– А ты не помнишь?

Ханна снова смеется.

– Не помню.

Ханна не останавливается. Ее смех разносится по всему дому, заползает мне в голову и звенит у меня в ушах.

– Перестань.

Но она не отвечает, я снова вижу белесые стены и свет под потолком.

Я снова одна, в этом ужасном месте. Так кто был в кино? Вспомни, Ханна, вспомни! Это важно! Мне нужен тот день, иначе я сойду с ума! Как я могу забыть такое? Я убила отца? Я его убила? Как я это сделала? Как?

Глава 11

Мои пальцы так и чешутся схватиться за что-нибудь острое и сделать еще одну отметку на уже зажившей коже. Боль успокаивает, не дает тебе потеряться в дебрях твоего сознания. Мне нужно перестать это делать. Нужно перестать. Ногти аккуратно подстрижены на ногтях, но я не могу перестать царапать свою руку. Что-то здесь не так. Что-то происходит. Мне нужно перестать делать все то, что я делала до этого. Я должна вернуть ту Ханну, которая смеялась на кухне вытирая посуду и собиралась в кино. Она так прекрасна. В ее жизни нет правил, в ее жизни цветет поле цветов и дует легкий ветерок. Он может распустить волосы и беззаботно смеяться. Она может ходить в кино и держаться с кем-то за руки. Она волшебна. Так почему я стала такой? Почему я больше так не делаю. Почему мое тело покрывают шрамы, почему я следую безумному графику, почему не смотрю людям в глаза, почему?

Не нужно искать виноватых. Всегда во всем есть и твоя вина. Всегда. Ты не можешь быть просто невиновной. Без вины виновата? Так говорится, да? А если тебе 14, и ты полна жизни и любви? Если ты свободна в своих поступках и в своих мыслях, если тебе неведом страх, тяжесть в груди, боль, разрывающая твои внутренности... можешь ли ты внезапно стать виновной и убить своего отца?

– Ханна!

– Да, доктор Бойл.

Женщина ступает почти беззвучно. На ней нет туфель, она обута в мягкие тапочки. Все та же голубая форма и собранные волосы. Те же руки с выступившими венами и все те же морщинки вокруг глаз. Она присаживается на край кровати.

– Мы связались с Дастином. Он, к сожалению, отказался увидеться с тобой.

– Отказался?

– Да. Мне жаль. Он сказал, что желает тебе скорейшего выздоровления, но пока очень занят.

– Понятно.

Конечно же, она врет. Дастин не мог так сказать. Он хотел разгадать мою загадку. Как он может отказаться покопаться в моей жизни еще раз?

Они даже не звонили ему. Эта докторша, наверное, даже не передала ничего Айку. Меня обманули. Становится непреодолимо тоскливо, чужие руки сжимают меня изнутри, а кожа просит о боли. Я должна справиться. Я найду выход. Я обязательно вспомню тот день и верну ту Ханну, которая ходила в кино и вытирала тарелки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Головокружение? Боли?

– Нет. Ничего нет. Чем я буду здесь заниматься?

– Здесь есть отличная библиотека. Гостиная с телевизором, столовая.

– А парк? Здесь можно дышать воздухом?

– Конечно.

Доктор Бойл не очень довольна моим вопросом. Она изучает мои руки.

– Что-то не так?

– Завтра прием у психолога. И обследование.

– Ладно. Я могу выйти из этой комнаты прямо сейчас?

– Можешь, Ханна. Твои вещи в шкафу.

– В шкафу?

Я оглядываюсь, пытаюсь понять откуда здесь появился шкаф. На стене возле окна я вижу дверь. Тайный шкаф... как и все здесь...

– Я тогда оденусь, если вы не против и немного пройдуся. Устала лежать.

– Конечно, конечно.

Доктор Бойл встает с кровати и выходит закрыв за собой дверь.

Ужасающая рубашка неприятно прилегает к коже. Что я еще не увидела в этой комнате. На противоположной стороне комнаты еще одна дверь. Куда?

Туалет.

Нет душа, нет ванной.

Туалетная бумага, кафельно-холодные плитки.

Чего они боятся? Почему здесь ничего нет? Это место для буйных гостей?

Моя юбка оказывается выстиранной и выглаженной. Рубашка аккуратно сложена. Коричневый пояс висит на крючке в шкафу. Кожаные туфли на низком каблуке спрятаны в глубине шкафа. Из нижнего белья только трусы. Странно...

На мне только рубашка и под рубашкой я абсолютно обнажена. Только шрамы и покрывают мое тело, как татуировки.

Рубашка выглядит на мне странно без бюстгалтера. В чем дело? Почему его забрали? Его на мне не было, когда я сюда поступила? Какой-то бред...

Я выхожу из комнаты, коридор кажется бесконечным. Тишина... Никого нет, или куда все подевались?

Наконец, я нахожу лестницу, справа в конце коридора. Лестница ведет куда-то вниз. Мне туда? Сейчас это уже неважно. Мне нужно разобраться во всем и понять почему я здесь.

Лестница кажется бесконечной. Одинаковые мраморные ступеньки вокруг, одна за одной, белая за белой, один, два, три, один, два, три...

Я попадаю в просторное помещение. В нем полно света. Мужчина на диване, девушка возле стеллажа с книгами, еще один мужчина крутится на офисном кресле. Трое... три человека и я. Это все?

– Привет, – я стараюсь говорить тихо, чтобы не при-

влекать слишком много внимания. Девушка оборачивается. В ее глазах пустота. Но она даже меня не видит или видит, но смотрит куда-то сквозь меня. Что с ней?

– Привет.

Я повторяю.

– Привет.

Ее голос совсем тихий и я с трудом разбираю, что она мне говорит.

– Как тебя зовут?

Стоит ли продолжать с ней разговаривать?

– Я – Элис.

– Я – Ханна.

– Привет, Ханна.

– Привет.

Ее взгляд все еще расфокусирован, и я не уверена что она разговаривает именно со мной.

– Ты здесь давно?

– Я здесь живу.

На девушке джинсовый сарафан и зеленые тапочки.

– Давно?

– Всегда.

– Всегда?

Да, что с ней! Что с ними со всеми?!

– Понятно. Почему ты здесь живешь?

– А где мне жить?

Она пожимает плечами и ее взгляд становится более

осмысленным.

– Я плохо вижу. После процедур всегда так. Извини.

– Понятно.

Каких еще процедур? Ее каштановые волосы завязаны лентой, а на щеках проступили красные пятна.

– Ты новенькая?

– Можно так сказать.

– Я слышала, как ты кричала.

– Я кричала?

– Да. В кабинете у доктора.

– А, это... Я перенервничала.

– Бывает.

Элис снова пожимает плечами и прячет руки с книгой за спину.

– Почитаю ее в комнате. Не люблю читать здесь.

– А что ты читаешь?

– Про любовь. Но доктор мне запрещает. Из-за этого болят глаза. Но я все равно читаю.

– Про любовь?

– Да. Можешь тоже почитать. Здесь много интересных книг.

Стеллаж наполнен книгами. Большими и маленькими, толстыми и тонкими, черными и пестрыми. Я читаю пару корешков. Классика. Достоевский. Тургенев. Откуда здесь русская литература? Будучи ассистентом профессора литературы, я часто читала. Но редко видела этих авторов на полках

в библиотеках. Странный выбор для лечебного пансионата.
Хм-м-м...

Мужчины в помещение никак не реагируют на наш разговор. А с ними-то что?

– Красивая рубашка.

Теперь девушка кажется мне даже симпатичной. Она смотрит прямо на меня и улыбается. Она не врет. Улыбка чистая и искренняя.

– Спасибо.

Элис обходит меня и медленно продвигаясь по залу идет в сторону лестницы. В руке у нее зажата книга, а вторая рука колеблет воздух.

Все что здесь происходит кажется странным.

Все, что происходит сейчас в моей жизни кажется странным.

Айк, эта больница, я, Доктор Бойл, Дастин.

Есть ли здесь выход?

Глава 12

Стеклянная дверь находится справа от кресел. Дверь поддается, и я ощущаю, как воздух проникает в мои легкие. Воздух, наполненный запахом цветов, известки, земли и лекарств. Букет запахов окутывает меня в теплый кокон. Солнце припекает землю в саду. В саду за высоким забором.

Значит и здесь границы. Забор кажется слишком высоким и необъятным. Где его начало или конец?

Сад похож на небольшой запущенный райский уголок. Бледные цветы в окружении листьев и стеблей переплетаются по земле, источая необычные ароматы.

Я усаживаюсь прямо на траву. Луч солнца попадает мне прямо в глаза, которые автоматически закрываются, погружая меня в себя.

Почему Айк врёт? Это такие обычные вещи, которые никак не хотят укладываться в моей голове. Как человек может врать своему родному и близкому человеку? Почему он утверждает, что я выдумала Эвелин? Этого просто не может быть. Я помню маленькую Эви... розовое платье с кружевной оборкой и бантиком на груди. Отливающие медью волосы, переливающиеся на свету. Она была нашей. Она была такой хорошенькой. Она умерла и наш мир погрузился в хаос. Погрузился во тьму, из которой мы до сих пор не можем выбраться, ни мама, ни я, ни Айк. Тогда зачем ему меня об-

манывать? Зачем притворяться, что ее никогда не было? Зачем говорить, что я убила отца? И почему мама так ни разу и не связывалась со мной за все это время, с тех пор как я приехала работать в университет Огайо?

Эви умерла так неожиданно, так странно... оставив пустоту в нашем доме и моей комнате. Пустота оставалась зияющей черной дырой в моем сердце, когда отец первый раз пришел ко мне в комнату. Он всегда был слишком отстраненным, но в тот день он был другим. Его глаза... они не выражали боли или агрессии, хотя в его руках по обыкновению была бутылка виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.